

Светослов

**СТРАСТИ
ПО ФАУСТУ**

Роман

СВЕТОСЛОВ

Страсти по Фаусту. Роман

«Издательские решения»

Светослов

Страсти по Фаусту. Роман / Светослов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832238-9

Фауст, устав от бездействия в потустороннем мире, решает внедриться в мир суровой земной реальности и подвигнуть на новые свершения людей, не лишённых творческой искры, в результате чего происходят невероятные события, влекущие за собой кардинальные перемены в мире людей...

ISBN 978-5-44-832238-9

© Светослов
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1. Секретное совещание	8
2. Лукоморьев. Информация свыше	11
3. Бодун Никанорыча	13
4. Озарение спецкора Лютнева	17
5. Театр импровизаций	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Страсти по Фаусту

Роман

Светослов

© Светослов, 2019

ISBN 978-5-4483-2238-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Однажды чудесным ранним утром в прекраснейшем небесном саду, озарённом лучами рассвета, в этой идиллии, овеванной волшебством лёгкой дымки, среди пышных трав и цветов под деревом с налитыми плодами сидели, беззаботно откинувшись в шезлонгах, двое – Фауст и Маргарита, облачённые в ослепительно белые одежды. Волосы Фауста были благородно убраны в косу, взгляд его пронизывающий улавливал всё, что входило в его обзор; весь он был овеван волной вдохновенья. Маргарита одухотворённо смотрела на Фауста; её локоны дивных волос светились бликами раннего безмятежного утра, мягко ложась на изящные плечи, и жемчуг филигранного ожерелья возвышал её грациозность, отсверкивая лучами зари. Оба они пребывали в состоянии всеутоляющего блаженства, коим напоено светоносное пространство небожителей.

Маргарита, окинув ясным взором пространство Сада, трепетно обратилась к Фаусту:

– Мой милый Фауст, как прекрасно! Какие кроны и цветы!.. Какое небо! И дыханье туманных трав, что под росой так веселят свободу взгляда... И светел милостью простор. Как птицы чувствуют его! Повсюду – свет и совершенство. И всё – в любви неутолимой. Свобода нам являет чудо...

Фауст, взглянув на Маргариту, так же поэтически ей ответил:

– Да, Маргарита, мир спокоен; душа светла и воздух чист. Любовью жизнь напоена. Нам явлен дар, и мы, внимая живому Свету, его храним в своей душе, дыша Бессмертия единством. Но...

Он сделал паузу, что-то обдумывая.

Чуткая Маргарита тут же спросила:

– Любимый, что тебя тревожит? Какие думы дух печалют?

И Фауст ей ответил:

– О нет, любимая. Печаль – не мой удел. Я просто вник нагим дыханьем в пространство прозы... И эта проза наполняет гудящий мир людей, что суетою одержимы, там – на Земле. Да-да. Я чувствую его. И вот, что думаю: мы как-то можем им помочь...

Маргарита слегка напряглась:

– Но ведь для этого нам нужно вжиться в прозу...

Фауст же невозмутимо произнёс:

– Несомненно. И мы попробуем... Я помню – есть страна необычайная, – Россия, так её зовут. И в той России – удивительный народ; там люди очень интересные живут, – они горят столпом идей. Но гасят ту стихию другие люди – неинтересные и скучные... Да. И вот, что мне пришло на ум: а не внедрить ли в эту драму земной суровой суеты живую искру вдохновенья, что так чудна и животворна?.. И может даже посетить тот грозовой и несравненный дивный край...

– Но я – с тобой, – тут же молвила Маргарита.

– Да-да, конечно. Но это – позже... А пока – не помешало бы подкинуть им пару свеженьких идей... Ничто так дух не облегчает, как естество импровизаций; и дум полёт свободе ближе, чем блажь тоски в пылу апломба. Душе – любовь, она с мечтою заодно; идея – воля!

Фауст оживлённо посмотрел на Маргариту, глаза его озарились вдохновением.

Маргарита решительно провозгласила:

– Как дух тебе велит, – так пусть и будет!

И Фауст ответил:

– Ну, тогда – за дело, дух! Идеи будут смелы и внезапны.

И тут вдруг ему на голову упало яблоко.

Фауст весь озарился, поднял этот стихийный плод Провидения, и возбуждённо воскликнул:

– Да будет так!..

И он ловко подбросил яблоко вперёд. Оно, описав дугу в воздухе, исчезло в туманных травах...

И в этот момент что-то произошло в пространстве, и всепроникающая музыка заполнила стихию этого дивного мира...

И всепоглощающий туман мистически окутал всё, и неизвестно, сколько времени длилось это притягательно-пьянящее действие, но когда это волшебное марево растворилось в пространстве непуганой свободы, изменился и вид окружающий, а затем новые образы обнажились в реальности вечной и непредсказуемой, многотональной и обескураживающей...

1. Секретное совещание

Ранним утром в одном из южных городов необъятной России, в небольшой провинциальной резиденции его, за офисным столом с оргтехникой сидел серьёзный человек в штатском, – главный сотрудник секретного управления, можно сказать – лидер особой структуры, имеющей доступ ко многому... Ну а поскольку структура эта была секретной, то и фамилию сего лидера мы озвучивать не можем; ясно лишь одно: человек этот являл собой воплощение натуры нестигаемой и хваткой, умевшей ловить суть и держать её крепко. Он, этот солидный муж в строгом костюме озабоченно смотрел на своих подопечных, сидевших напротив в ожидании дальнейших указаний... Лидер собрался с мыслями и по-деловому изложил:

– Значит, так; я собрал вас всех в столь ранний час для того, чтобы сообщить вам самую важную информацию, побуждающую к экстренным действиям. Ситуация непредвиденная, можно сказать – неадекватная. Только что я получил сведения о появлении в нашем городе необычного объекта, очень напоминающего НЛО... Но! Есть версия, что это вовсе не НЛО...

– А что? – тут же спросил один из подчинённых – озабоченный интеллигент со взглядом ботаника.

Главный смерил взглядом любознательного клерка и скрупулёзно ответил:

– Есть предположение, что этот необычный объект, именуемый как НЛО, является объектом разведки... И этот объект сканирует наше родное пространство, выявляя все наши сильные и слабые стороны; а мы тут, понимаешь, ворон считаем. А может даже это ноу-хау террористов. Нынче техника – на грани фантастики...

– А что же делать? – вмешался другой подчинённый, – худощавый мужчина зрелых лет в больших очках, которые он то и дело поправлял.

Главный вздохнул и выложил:

– Что делать, что делать; в первую очередь – быть предельно внимательными ко всему. Все наши защитные установки переведены в усиленный режим. В общем, так: в связи с вышеизложенным неадекватным событием принято решение о переименовании нашего города...

Сказав это, лидер слегка нервно мотнул головой, – как бы сам не врубаясь во всё, что он изложил, и от этого на мгновенье смутившись; но тут же взял себя в руки и сделал серьёзный вид, побуждающий к экстренным действиям.

Тут клерк-очкарик совершенно изменился в лице и растерянно вымолвил:

– И как же наш город будет теперь называться?..

Главный мудро глянул куда-то в пространство, затем чутко посмотрел на клерка в очках и с наслаждением произнёс:

– Наш город теперь будет называться Обломов... Быть может, это будет носить временный характер. Всё зависит от дальнейших событий. М-дас...

Возникла вполне резонная пауза. И эта пауза, несомненно, могла бы затянуться и вылиться в некие фантастические грёзы с последствиями подсознательной хандры, если бы не опыт и мудрый нрав предводителя.

– Вопросы есть? – спросил главный.

Тут опять в разговор вступил тот самый дотошный клерк в больших очках:

– А как же быть с пропиской? Ведь все наши люди прописаны не в Обломове...

Главный разулыбился и ответил:

– Умён ты, Ершов. Но мы не тупее. Уже всё продумано. Все, прописанные в нашем городе автоматически считаются обломовцами, или обломовчанами, – кому как по душе. И все инстанции будут это учитывать.

Тут раздался резонный вопрос другого подчинённого:

– А какая всё-таки цель в переименовании города?

Главный и здесь не растерялся:

– Цель одна: не дать проникнуть в наш истинный город всяким лазутчикам и охмурителям. Кумекаешь, Сеницын? Это тебе не на джипе выруливать. Они, допустим, захотят навредить нам, проникнут в наш город, – да и заплутают как лохи, потому как окажутся в Обломове. Ты знаешь, почему великие люди себе псевдонимы придумывали? Для того, чтобы их настоящих не раскумекали и не прихлопнули втихаря. Стратегия!

– Я, кажется, понимаю, – произнёс подопечный Сеницын, постепенно озаряясь изнутри тем светом, что делает взгляд пронизательным и глубинно-загадочным. – Это нечто вроде невидимой трансформации с целью неуязвимости... На этом основана часть магических древних обрядов...

– Молодец, Сеницын! Весомо кумекаешь! – похвалил главный. Он окинул взором подопечных и решил больше не травмировать свою душу и мозг дотошными расспросами озабоченных клерков. Он лаконично и назидательно резанул:

– Ну что, больше вопросов нет? Тогда все свободны. Всем быть на связи и ждать моих дальнейших инструкций.

По кабинету прокатился вздох облегчения. Главный сделал жест, и все люди покинули этот секретный кабинет.

Предводитель, оставшись один, тут же набрал номер телефона. Услышав ответ, он произнёс.

– Грозовой? С добрым утром. Ты уже в курсе?..

– А, Степаныч! Приветствую! Ты насчёт Объекта?

– Да. Насчёт его, окаянного.

– Мне уже всё сообщили, – ответил на том конце Грозовой.

– Это хорошо. А ты в курсе, что наш город теперь Обломов?

– Естественно. Разведка не дрыхнет.

– Окей. Будь на связи. Тут ожидается ещё кое-что...

– Что-то серьёзное? Что именно? – напрягся на том конце Грозовой.

И Степаныч детализировал это «именно»:

– В наших краях под личиной корреспондента действует опасный контрабандный челнок; подпольная кличка – «Журналист». Он неуязвим, так как его в лицо абсолютно никто не знает. И ты, как профессиональный агент по борьбе с теневизмом, обязан его раскумекать и опечатать. И быть может, он замешан во всей этой петрушке с таинственным объектом-разведчиком...

Изложив всё это, главный вздохнул и отпил воды из стакана, что был под рукой.

– Корреспондент говоришь? Так-так, «Журналист»... Попробуем его вычислить, – рассудительно ответил Грозовой.

– Ну давай, готовься. Но пока об этом своим не сообщай; присмотришь, – чтобы не спугнуть и дров не наломать. Мне в ближайшее время должны сообщить его приметы, я тут же тебе позвоню. И тогда пришпоришь коня.

– Понятно дело.

– Ну давай, до связи!

Закончив разговор, предводитель Степаныч положил трубку и с облегчением опустился в кресло... Он вдруг задумался: «Всё ли правильно я сделал? Вроде лишнего не сболтнул... Да, странно всё это, и спешка какая-то оголтелая... будто новый Клондайк обнаружили... Если это реально крутой проект, значит, нужно держать всех на дистанции. Всех! И никаких поблажек. Иначе никак, – а то начнут мозг выносить по извилинам... Нынче народ-то без тормоза, да и жизнь теперь недешёвая... Ладно. Разберёмся. Надо бы ещё раз с Центром связаться, гладко так, чтоб ненавязчиво и лаконично. Они любят краткость. И много не говорят. Да, уточниться надо...»

Предводитель отвлёкся от своих нелёгких секретных дум и уставился в ноутбук. Он открыл один из файлов и принялся изучать его содержимое, беззвучно шевеля губами...

2. Лукоморьев. Информация свыше

В этот ранний час в одной из патриархальных московских квартир спал на диване прямо в одежде человек божественной внешности, это был режиссёр столичного Театра импровизаций Иван Лукоморьев. Внезапный бой стальных часов заставил спящего вздрогнуть, и тут же ему на голову с книжной полки свалилась книга И. В. Гёте «Фауст»... Он охнул и резко проснулся; тут же взял в руки эту книгу, упавшую на него откуда-то сверху, и прочитал название. Лукоморьев глянул на книжную полку, что над диваном, и задумался, глядя куда-то в пространство... «Это неспроста...» – обожгла его мысль. Внезапно он весь преобразился, полностью придя в себя, словно постиг нечто великое; в глазах его вспыхнуло вдохновение... Несомненно его осенила идея, – та, что ускоряет мысль, даря сердцу горячий приток новых сил. Он быстро встал, окончательно сбросив с себя дремоту, и подошёл к столу с компьютером, кипой листов и чайником. Окинув взором комнату с творческим беспорядком, Лукоморьев задержал внимание на крупном лозунге, что красовался над его рабочим столом на стене:

Режиссёр, твой подвиг – в сердце народа!

И тут он философски произнёс:

– Кто я – режиссер или мытарь страждущих? Ну, конечно же, – режиссер!.. Так. За дело!

Лукоморьев сел за стол и начал заядло вбивать текст на компьютере, периодически прикладываясь к чайнику с водой... Он закурил, что-то одержимо обдумывая... Внезапно компьютер выдал сигнал электронной почты. Режиссёр слегка нервно открыл электронную почту и прочитал свежее сообщение:

«– Бога ради, подайте на похмель инвалиду искусства. В ближайшее время отработаю. Моя авоська – за Вашим окном...»

– Это ещё что за хрень? – произнёс Лукоморьев, изменившись в лице.

Он тут же обратил взор к окну и увидел полиэтиленовый пакет, привязанный за верёвочку – сверху... Режиссер озабоченно пошарил по карманам, посмотрел по сторонам, что-то обдумывая... Затем он встал и достал с книжной полки солидный фолиант – К. Маркс «Капитал». Лукоморьев прикинул «Капитал» на вес, держа его на ладони, затем открыл окно и наспех положил эту книгу в пакет на верёвке. Он высунулся в окно и крикнул:

– Эй, наверху, – вира!

Пакет с книгой резко ушёл вверх... Режиссёр закрыл окно, ёжась от утренней прохлады, облегчённо вздохнул и опять сел за комп.

Он посмотрел в монитор и вдруг напрягся:

– Стоп. А как же он мой адрес узнал? Странно... Ладно, потом разберусь.

Лукоморьев закрыл электронную почту и вновь принялся за работу...

И всё же вновь он отвлёкся и призадумался:

«А с какого это перепугу я должен вдруг дарить непонятно кому свои фолианты? Вот доброта безразборная... И что за тип этот с авоськой пакетной? Откуда он знает мой адрес? И кто он вообще? Видать, пропился, приболел так, что колотит всего, вот и пустился в тяжкие, лишь бы кровь оживить...»

И тут же внутренний голос ему ответил:

«Да не парься ты, Ваня, смотри проще на это, – с кем не бывает; ты вон тоже неделю назад так набрался на даче, что бокалы тряслись и деревья дрожали, – не от холоду ж ведь! За тебя горемыку – искусника драм и комедий испугались не в шутку, – всерьёз, чтоб куда не попал сгоряча по запарке в дремучем веселье. А с тебя спрос иной: кто ещё нам идей накропает и жизнь освежит новой ролью? То-то! Сбрось кручину и всякие думы пустые, у тебя вон – идея, да такая, что всех прошибёт до икоты и плакать заставит от радости жизни...»

Лукоморьев вздохнул и взбудораженно произнёс:

– Да, точно. И что я мозг сам себе выношу этой хренью? Ну приболел мужик. С кем не случается? А у меня тут свои приключения... Да. Нужно ускорить действие...

Режиссёр встал и начал прохаживаться по комнате, намысливая дальнейшие действия своей непредсказуемой пьесы... Он вдруг остановился и замер, точно пойманный чьим-то всезорким магическим взглядом... И в этом абсолютном безмолвии ему вдруг почудилось какое-то странное дыхание, это было похоже на южный поток ветра, возникшего неизвестно откуда, на прилив той тёплой игривой неги, что манит к себе, веселя и лелея своей всеохватывающей и неуловимой энергией... Лукоморьев выдохнул и решительно прошёл к столу. Он произнёс:

– Да, именно так! За дело!

И он, сев за стол, вновь принялся остервенело забивать свой нетленный проект в компьютер...

А между тем, Лукоморьев был режиссёром не робкого десятка, – он умел добиваться своего, и не только... И если в его мозг влетала идея, то она, эта идея уже никак не выпускала из своей чуткой хватки неугомонного режиссёра, и он, всецело это понимая, дарил ей свою сногшибательную любовь и безотчётную преданность, забывая при этом о друзьях и соратниках, просто коллегах, и даже о женщинах... Насчёт последних нужно сказать особенное: наш герой Лукоморьев ценил прекрасный пол, но не совсем отвечал ему в критериях флирта и независимости, что объяснялось загадочным свойством его неоднозначной натуры; он не мог абсолютно отвлечься и положиться на женщину, – ну не в смысле преданности, нет, в другом. Он не мог рассчитывать полностью на себя по причине его оголтелого погружения в сферу многотрагического и разнокалиберного искусства, от которого у него частенько срывало крышу в сторону тотального уединения и гипнотической эйфории, и если в этот умопомрачительный момент на его пути возникала прекрасная дама, то она тут же была соотнесена нашим героем к персонам второго значения по причине его нереального – гиперактивно-психопатического состояния... Дамам это не совсем было понятно, а объяснять было некому. Он же, наш режиссёр, по возвращению в реальность начинал искать ту, что одарила его своим обаятельным целомудрием совсем недавно... Но её уже рядом не было. И он мучился от всей этой загадки жизни: «Ну почему, когда я работаю – тут же соблазны, а когда на свободе – никого не видать рядом? Вот есть же персоны, флиртуют по-разному. И подарки ценные преподносят, и на «Мерсах» катают»... Да, флирт должен быть филигранным, манящим и завораживающим, убийственно-притягательным, и за ним открываются тайные дверцы душ человеческих... Женщине важен спектр понимания... и внимания. А я что могу дать? Ожидание...» Но сила творчества брала своё, она брала верх над всеми соблазнами и страданиями, и герой наш вновь погружался в лавину своих фантастических грёз и страстей...

Вот и теперь, не отвлекаясь ни на что, он сидел и вбивал с немислимой скоростью текст, становящийся реальностью нашего времени... Вот ведь застолбил же идею! Принял информацию! Но не будем его отвлекать, пусть кропает нетленку, создаёт свой шедевр. А мы глянем пока, что у нас этажом выше...

3. Бодун Никанорыча

В это самое время в другой московской квартире того же дома, не менее патриархальной, но значительно более скромной, в комнате с пылцовыми обоями и скромной мебелью возле распахнутого окна стоял худощавый мужик забомжелого вида – тот самый, что просил «на похмелье инвалиду искусства»; именно он только что выудил за веревку «Капитал» в пакете, что ему презентовал на опохмелье режиссёр, живущий этажом ниже, и теперь пребывал он в блаженном оцепенении от внезапной удачи в виде уникального фолианта. Это был Лев Никанорович Башковитов, бывший хакер и несостоявшийся живописец, любитель грёз и портвейна, а попросту – Лёва, или Никанорыч. И теперь Лёва Башковитов обезумевшим взглядом изучал этот солидный букинистический экземпляр, ниспосланный ему свыше, приходя в изумление от самого названия фолианта...

– Ну ни хрена себе, «Капитал»... Это знак...

Его напряг женский голос, доносившийся из спальни:

– Лёва! Ты что – окно открыл?! Ты совсем обалдел? Холод собачий! Что ты там делаешь опять?!

– Да щас, щас... – возбуждённо бросил Лёва, поняв, что создал сквозняк в открытой комнате. – Как дверь-то открылась? Вот же мистика, ё-моё...

Он быстро закрыл окно и суматошно сунул «Капитал» в тумбочку.

Затем он быстро сел за компьютер и закрыл электронную почту.

Тут в комнату вошла супруга Лёвы – Люба, женщина зрелых лет со следами бывшего очарования. Одетая она была в простенький халат с объёмными карманами, на ногах были обычные домашние тапки.

Люба смерила взглядом супруга и с тоном дисциплинарного ментора произнесла:

– Ты что, опять за своё?

– Ничего страшного. Важное сообщение отправил, – быстро ответил Лёва.

– Кому это ты сообщения отправляешь с утра пораньше?

– Одному хорошему человеку... Да не волнуйся, никаких взломов, – уклончиво ответил Лёва и бросил невинный взгляд на жену.

– Смотри; а то будешь опять следы замечать... – с лёгким намёком ответила Люба.

– Мои следы – в невидимости; как это говорится – «not detected»... Недаром у меня фамилия Башковитов.

Лёва самодовольно потёр руки и приступил к отключению компа.

Люба вздохнула, скептически глядя на мужа.

Лёва выключил компьютер, встал и декларативно произнёс:

– Когда б я жил без домогательств, – я б с шансонетками дружил...

– Они бы от тебя весь голос потеряли, – иронично ответила супруга.

– А я бы им свой отдал.

И он издал грубовато-азартный возглас с хрипом. Люба тут же заткнула уши.

– Так-то оно лучше, – бросил Лёва и направился к выходу.

Но Люба его остановила:

– Ты не забыл, что сегодня нужно сделать?

– Помню всё, что знаю.

Лёва невинно посмотрел на свою опекуню, поняв, что сейчас всё начнётся...

Люба, мягко толкнув его на диван, отчеканила:

– Сядь, расслабься и подумай...

Лёва, откинувшись на диване, закатил глаза...

А в это время на улице, – во дворе этого мощнопанельного патриархального дома происходила интересная утренняя разминка в духе моржевания под музыку, а именно – по утреннему снегу бегал мужик в одних трусах, охая от холода; периодически он останавливался, обтирался снегом и тут же делал физзарядку. Рядом стоял магнитофон, и звучала всем известная песня:

– Если вы в своей квартире, —
Лягте на пол, три – четыре...

В квартире Башковитовых произошло оживление, вызванное этим необычным действием. В окно смотрела супруга Лёвы – Люба. Она поёживалась в домашнем халате, глядя на резвого мужика – физкультурника в трусах.

– Надо же... И не боится, – слетело с её уст.

– А чего ему бояться? Его хаты лишили. Поневоле заморжуешь, раздался сзади голос мужа.

– Что?..

– То! Васька «Бизон» это. Он с частным кредитом связался, а потом взял, да и прогорел. Пришлось квартирой пожертвовать... Говорил я ему – не крути с кидаловом, возьми реальный прихват. Нет же; всё ему на своей шкуре надо испытать...

Сказав всё это, всезнающий Лёва отошёл от окна и зевнул.

– Кошмар... – сокрушённо выдохнула Люба.

Лёва взглянул на жену и сказал:

– Ну что, Любушка? Чем потчевать будешь?

– Пойдём чаю попьём.

– Что? Опять чай?

– Звиняйте, – «Наполеону» нэмае, – с иронией ответила супруга.

– Як шо – так Лёва! А утренний допинг, значит, чаем называется! Сколько можно?!

– Да ладно, пошли уже. Ты себе по любому найдёшь то, что нужно. Да, Лёвчик?

Люба игриво глянула на Лёвчика; тот потёр нос и ответил:

– Надо будет – найду. Нюх имеем...

И они пошли на кухню. Люба поставила самовар, достала чашки...

Никанорыча, однако, уже начинало трясти, и он, чтоб хоть как-то отвлечься от этого подлого синдрома решил почитать газету. Он сел за стол и принялся штудировать эту самую вчерашнюю газету. Лёва иронично зачитывал объявления и делал свои тяжеловесные комментарии:

– Та-ак... Объявления, стало быть... Ну-ну... Да-а... Сплошная фантастика. «Меняю благоустроенную квартиру в центре Москвы на пентхауз в любом районе Сибири...» Нашёл дурней. «Пропал щенок породы бультерьер. Нашедшего просим вернуть за вознаграждение». Ха. Да я за вознаграждение сам бультерьером стану. Что там дальше... Однако. «Профессиональные экстрасенсы: очистим вашу квартиру в кратчайшие сроки...» Да, в этом я не сомневаюсь, вы её так очистите, что и следов потом не отыщешь... Что там дальше... «Приглашаем на курсы шокотерапии...» Это уже круто... Что там ещё... А, вот. «Купим идеи...» Ага. Сначала вы их своруете, а потом – ищи ветра в бане... Бред. Чтоб им пусто было. И что за гоблины эти объявы пишут?

– Да перестань ты ворчать, как старый дед. Как хотят, так и живут люди, – упрекнула его Люба, нарезаая хлеб.

– Да помолчи ты. Заступница нашлась...

И он принялся читать дальше:

– О! «Независимое общество „Медиум“ приглашает клиентов посетить иные миры...»

Ха! Не хочешь?

И он глумливо взглянул на супругу.

- Чего-о?
- В иные миры слетать... Засиделась дома-то, – ответил повеселевший Лёва. Люба положила нож, бросила на Лёву надменный взгляд и высказалась:
- Я тебе такие миры покажу – юлой будешь виться – вращаться!
- Ты того... не очень-то. Шибко вольная, гляжу, стала. Враз спесь шибу!
- Один такой шиб, – теперь в Сочи в валенках ходит, – парировала Люба с озорной иронией. – Ты лучше за собой смотри, да по ночам одеколон не лакай, а то смрад по всей квартире, стыдно людям открыть.
- Да я, может, от горя пью!
- Чего? – изобразила недоумение Люба.
- Да, да, – от горя, – ретиво продолжил Лёва, поняв, что зацепил-таки нужную тему. – Я, может, в душе – художник, я мог бы вторым Сальвадором Дали стать... или, на худой конец, программистом нехилым... А мог бы ваять!
- Люба, набрав воздуха, провозгласила:
- Так что ж вам помешало, мой Маэстро? А?.. Молчишь? Нечего пенять на судьбу, коли опилки во лбу!
- Но у Лёвы на это нашлось что сказать:
- У меня во лбу копилки, а не опилки. Чуешь? А вот тебе не мешало бы провентилировать свои извилины. Может тогда научилась бы жизнь любить...
- Да ты, рвань подзаборная, и жизни-то не видел; только кичишься всё.
- Ты на что это намекаешь? – спросил Лёва, приоткрыв рот и тупо уставившись на свою благоверную.
- На то и намекаю, что ты дальше стакана да монитора ничего не видишь.
- Она с сочувствием глянула на Лёву и ностальгически продолжила:
- Эх, помню, когда в «Каскаде» работала, – сколько возможностей было выйти замуж!.. Какие кавалеры были... Один пилот был, помню, международного класса... Носила бы сейчас ему кофе в кабину. Венеция, Рим, Токио, Нью-Йорк, Лондон, Париж!.. Э-эх-х!..
- И она артистично закатила глаза.
- Лёва, всё это выслушав, соответственно слегка охренел; его взгляд наполнился странной горечью, замешенной на собственной внутренней ярости от невозможности что-либо изменить, и он с наигранной усмешкой произнёс:
- Я смотрю – ты размечталась шибко. Мечты-то и урезать можно.
- Поняв, что скромная семейная месть удалась, Люба достойно парировала:
- Урезать можно зарплату, а мечты – никогда. Ты знаешь, чем отличается умный от дурака? Тем, что дурак кричит, а умный торчит...
- Ну, ты у нас – Софья Ковалевская, или эта... Блаватская. Философию развела, – начал отбрыкиваться Лёва. И он тут же привёл неоспоримые доводы:
- Если ты такая умная, то скажи: почему все великие люди – поэты, художники, писатели, скульпторы, философы, режиссеры, композиторы – были мужчинами?.. А? Я просто не представляю себе, чтобы, к примеру, «Рождение нового человека» или «Распятие» живописала бы женщина; или «Войну и мир» накропала бы какая-нибудь светская дама. Молчишь? То-то!
- Любу же это не убедило, она достойно отстаивала свою позицию:
- Да что б вы делали без женщин? Где бы вас искать было? Кто вдохновлял Пушкина? Кто озарял Дали?! Да они без женщин ничего не свершили бы! Женщина – это вдохновение! И ты, Диоген доморощенный, лучше молчи!
- И тут, наконец, Лёва поймал то, к чему стремился всё это утро, – зацепку, необходимую для «отвязки», – бодун дошёл до точки невозврата. И Никанорыч с удовлетворением произнёс:
- Насчёт Диогена – после разберёмся; а вот, коли я прозябаю здесь, как хлыщ неприка-
янный, – так, стало быть, ты меня вдохновляешь плохо. Не чувствую я вдохновения. Одни

вдохи да выдохи. А толку никакого. Одни кривотолки да ругань с утра. Эх, сил моих больше нет. Пойду в лавку, освежусь...

Лёва свернул газету и встал.

– Вот есть же на свете счастливые люди... Стихи пишут, играют на лютне, любят друг друга, – задумчиво промолвила Люба, глядя в пространство.

– Дак правильно; меньше орать надо. А то раскудахталась. А после – играй ей на лютне, – ответил Лёва и усмехнулся.

– Да ты уж петух, каких в округе не сыщешь. Всё кукарекал бы да водку с портвейном жрал. Никакого проку. Чего стоишь, как истукан? Думаешь, если утро, так и дел никаких?

– Нет у меня отдыха. Вся жизнь – работа. В идеях я весь...

И Лёва отвёл глаза.

– Знаю я твои идеи, – со вздохом сказала супруга. – Сначала пивка для рывка, потом – портвешка для стишка, а потём...

– А потём – пляски с ментом и тоска с котелком! – перебил её Лёва. – Много ты понимаешь. Не знаешь ничего... Эх, сил моих больше нету. Пойду – освежусь, авось полегчает.

Он подошёл к окну и подумал:

«Однако прохладно на дворе. Надо бы потеплее чо-нить...»

И он быстро начал собираться.

Глядя на него, Люба зафиналила утренний кипиш:

– Смотри, недолго там; а то на ночь двери запру, – будешь порог околачивать.

– Нэ-нэ... н-не боись. Нэ-нэ-нэ... надо бэ-бэ-будет – в окошко вэ-вэ-вэ-влечу. Ну, бэ-бэ-бывай.

И с появлением этого паскудного заикания Никанорыч понял: синдром бодуна вошёл в активную фазу... Медлить было нельзя. И он стал мобильным. Он шустро оделся, незаметно прихватил с собой «Капитал» в пакете, паспорт, и суматошно покинул квартиру...

– Так чаю и не попили, – промолвила Люба, отрешённо глядя в пространство.

4. Озарение спецкора Лютнева

В то время как в квартире вышеупомянутых супругов происходила утренняя разборка, в другой квартире, тоже патриархальной, но неизмеримо более комфортной, обставленной ампирной мебелью, завтракали супруги Лютневы, это были молодые люди, искреннее любящие друг друга. На софе сибаритствовал глава семьи Илья Лютнев, жуя сэндвич и запивая его свежесваренным кофе... Рядом с ним на софе, поджав ноги, сидела его супруга Мила, молодая обаятельная женщина, одетая в атласный халат.

Она любовалась своим избранником, ласково приговаривая:

– Кушай, мой заюшка; Илюшенька—дорогушенька...

И Илюшенька-дорогушенька, что-то мыча полным ртом, кивал и аппетитно поглощал свой супербутерброд.

Закончив завтракать, Илья вдруг погрузился в размышления...

Он загадочно улыбнулся, глядя на Милу, и с интригой изложил:

– Ты знаешь, Мила, меня сейчас посетила интересная идея... А не мотануть ли мне за репортажем куда-нибудь в регион, – в какой-нибудь провинциальный достопримечательный центр, – этаким знойный городишко... Россия полна самородков. И они, эти самородки, наверняка изнывают от тоски по душераздирающей правде жизни, коей кипит наша вездесущая центробежная пресса. Они – самородки, и им нужен добытчик, – тот, кто их найдёт и обнаружит. Вот я-то и стану их добытчиком. Я же спецкор!

Илья восторженно посмотрел на супругу, встал и взволнованно закурил; а затем принялся прохаживаться по комнате, обдумывая дальнейшие действия, необходимые в работе спецкорреспондента, а попросту – бродяги журналиста... Мила, все это время оцепенело слушавшая супруга, округлила свои и без того большие глаза.

Она растерянно спросила:

– Илюша, а в какой город-то ты собрался?

– Да город никуда не убежит. Это – уже детали. Главное – идея! Был бы товар, а купец найдётся, – неоднозначно высказался Илья. Он с авантюрным самозабвением посмотрел на супругу и вошёл в поток эйфории...

Мила как-то странно смотрела на любимого, а затем не менее странно произнесла:

– А и чего бы не попробовать? Мы люди хваткие, умные, говорить умеем...

– Правильно мыслишь, – вставил Илья и плюхнулся на диван, в самозабвении закатив глаза... Затем встал и принялся ходить по комнате, вынашивая свой оглушительный план...

Действительно, странный народ эти придумщики авантюры. И всё бы ничего, да только уж слишком ретиво раскрутил свою грёзу спецкор Лютнев, находившийся под чутким обаянием своей страстной супруги. Но самое упоительное заключалось в том, что Илья Лютнев даже не знал, в какой город он собрался за этим самым сомнительным репортажем. Мистика! Зато его очаровательная Мила знала, что, если её ненаглядный что-то втемаяшил себе в голову, то это уже прочно и безотлагательно, это испытательный сенсор дальнего назначения... И вот теперь спецкор Лютнев пробовал этот сенсор в автономном режиме, иными словами – он желал детальнейшего расклада своего стратегически-убойного плана со всеми последствиями и официальными изложениями в духе сенсационного репортажа со всем его авантюрно-пьянящим размахом... Лютнев расхаживал по уютной комнате, размышляя, а Мила внимательно наблюдала, как он менял мимику и взгляд, очевидно накручивая в мыслях что-то жутко интригующее, фантастически экстремальное и натурально улётное... Да, спецкор подсел на крутую «фишку» – на идею, от которой у него закипали думы и сладко урчало в глубинах его организма... А ведь была уже у него подобная штука! Было дело, ездил он в тьмутараканию, собирал репортажи... Вот только подпортили всё местные трудоголики да ценители правды. А где

она, эта правда? Лютнев догадывался, что она существует, но где точно – этого он не мог сказать даже себе... А дело было так: прибыл спецкор в деревню, каковых немало в Российской глубинке, да решил срубить новостей в лёгкую. Но тормознулся тут же на бунтарских замашках местных аборигенов – типа давай нам главных, жрать нечего, ходить не в чем, ездим на старых собранных тракторах, денег никто не платит, и вообще, говорить ни о чём не будем, пока не дашь нам клятвенное обещание, что немедля сходку созовёшь в своём центре и пособишь нашей братии хоть чем-то... Спецкор, честно говоря, слегка офонарел от всей этой самородной истерики с её сумасбродной горечью, и пообещал, конечно же, пособить и слово замолвить за горемык деревенских. Дело кончилось мирно, – спецкора безотлагательно и щедро угостили местной самогонкой, после чего он долгое время пребывал в состоянии веселящей прострации с её независимостью от внешнего мира. Ну а затем Лютнев отбыл в столицу, после чего напрочь забыл о своих клятвенных обещаниях, ибо и без того дел невпроворот, кругом хрен знает что творится, неровен час, без дохода останешься, и вообще, думать нужно, когда что-то требуешь и говоришь... Да. Такие вот извилины судьбы, извороты природы. С тех пор Лютнев железно усвоил: делать нужно лишь то, что важно для тебя, только своё, и никаких сдвигов в сторону, никаких благотворительных замашек с мучительными последствиями и отходняком... И теперь он размышлял очень трезво, хотя и не слишком понятно со стороны рассудка. А кому интересен этот расклад рассудка? Он просто скучен. Вот то ли дело душа... В ней столько всего таится! Какие приключения, какие повороты, какие внезапности! Да. Решено. Спецкор натурально всё наметил и спланировал...

5. Театр импровизаций

К этому времени режиссёр Лукоморьев в своей квартире уже закончил набор текста, и отправил всё это на принтер. Через некоторое время он принялся оживлённо просматривать отпечатанные листы... Затем он прошёл на кухню, зажёл газ и поставил чайник, с удовлетворением что-то намурлыкивая...

Наспех съев объёмный бутерброд с колбасой и запив его чаем, Лукоморьев забрал распечатанную рукопись, оделся и поспешил туда, где его ждал творческий коллектив под крышей непредсказуемого и многотонального Театра импровизаций...

В это дивное утро Театр дышал предчувствием новых идей. На сцене, сидя на стульях, балагурили актёры с актрисами в ожидании режиссёра.

Одна из актрис, ироничная стройная Люся, имеющая стильную причёску и глубинный чарующий взгляд, проникающий в бездну сознания, с иронией обратилась к актёру с не менее пронизательным взором и молодежавым лицом:

– Веничка, ты сегодня у нас что-то подозрительно гладко выглядишь... Не поделишься секретом?..

И Веничка непринуждённо поделился:

– Чтобы клетки обновлять, нужно думку фильтровать...

– Это точно, – вступил в разговор актёр Стас, весельчак и балагур, каких мало. – Я вот как-то гулял по Калифорнии...

Все тут же напряглись, переключив всё внимание на Стаса...

И Стас вдохновенно продолжил:

– Да. Иду я как-то по Калифорнии, гуляю себе спокойненько, думку фильтрую... Смотрю – шоп. Дай, думаю, зайду. Ну и зашёл. Гляжу – а за прилавком – Мата Хари, – тени наводит... Меня увидела – разулыбилась и говорит: «Заходи, Стас, у нас пиво свежее». Я остолбенел поначалу, а потом думаю: «Возьму пивка, раз свежее.» Ну и взял. Мата Хари дала мне пару банок и шепнула: «Ты заходи к нам почаще, Стас, – у нас не только пиво бывает...» И подмигнула мне так, по-свойски... Ну я вышел на улицу, хотел было пиво открыть – попробовать, гляжу – а навстречу Гарри Поттер идёт, и улыбается как-то загадочно... Я тоже в ответ улыбнулся. А Поттер и говорит: «Привет, Стас! Гуляешь?» Я отвечаю: «Гарри, ты, что ли?» Он говорит: «Да, я. А то кто ж ещё.» Я говорю: «А что это ты такой загадочный?» А он отвечает: «Да вот, спешу на платформу девять и пять четвертей...» И улыбается. Я говорю: «Гарри, что у тебя с арифметикой? Ты что-то не то загнул...» А он говорит: «Да я следы заметаю. Я тут намедни занял бабла Волдэморту. Он решил себе новое тело купить. Да сдуру взял и купил тело Шрэка... Теперь с него долг не вышибить, придётся его мандрагорой окучивать... Ну ладно, пошёл я.» И пошёл он себе дальше по Калифорнии. И я пошёл. Вдруг смотрю – а на меня надвигается этот Волдэmort в теле Шрэка... Ну, думаю, всё, приехали... А Гарри вдруг развернулся и что есть мочи как долбанёт его заклинанием, у меня аж уши заложило... И тут этот мафик шрэкообразный раздуваться стал... А потом взлетел, как воздушный шар, да и лопнул. У меня от этого взрыва и вовсе в глазах потемнело... Вот же, блин, думаю, до чего дожил. Вдруг смотрю – а прямо на меня Терминатор идёт, и пушку свою на меня направил... Я думаю: ну нет, гад, ты-то меня на ура не возьмёшь. Я кое-что тоже умею... Взял да и шарахнул в него заклинанием, – самопальным, естественно. Он на глазах у меня весь и разъехался, как масло на сковородке... А в голове – душераздирающий возглас Терминатора этого: «Что ж ты, падла, самопалы юзаешь?!» Я смекнул тут же да и ответил: «Сам падла. А самопал – он и в Африке самопал. Никто ещё не запрещал самозащиту, блин, гусь перелётный с железяками стрёмными...» Вспомнил я тут про пивко, что Мата Хари мне дала, да и глотнул его... И тут исчезла Калифорния... Я вдруг онемел весь... Глядь – кухня моя, родимая... И я в ней, тоже родной

такой весь... Дай-ка, думаю, проверю – не глюк ли это... Ну и ещё пивка отпил малость... Тут смотрю – кухня моя исчезла... Ну точно – глюк, ядрёна кончита. И стою я у переулка какого-то обшарпанного. Гляжу – а из подворотни выходит поручик Ржевский с рабыней Изаурой под руку... А навстречу им выдвигаются Турецкий с Каменской, и тоже под руку... Турецкий хватить пушку – и на Ржевского наставляет; а Ржевский тут же как шархнет в него матом семи-пудовым!... Турецкий с Каменской так и рухнули навзничь. А Изаура и говорит Ржевскому на ломаном русском: «Ви ошен карачо и силно умеет гаварит; я согласна бит Ваша любовница...» А Ржевский ослабился, меня увидав, и молвит: «Стас, не бойся, тебя я не трону.» Ну, думаю, надо ещё раз думку отфильтровать, – и пивка из банки глотнул... И тут всё исчезло... Я глаза открываю – сижу перед зеркалом в нашей гримёрке, а сзади Лукоморьев меня тормозит: «Стас, вставай, домой пора. Ты переутомился...» И тут я понял: думка отфильтрована.

Закончив свой умопомрачительный монолог, Стас с удовлетворением откинулся на стуле.

Когда общий хохот поутих, актриса Нора резюмировала:

– Это просто эпический шедевр...

– Да, Стас, тебя нынче сдвинуло конкретно, – добавила Люся.

– Конкретный сдвиг всегда на пользу, – произнёс вдохновлённый Стас.

– М-да, если сдвиги с утра, то значит работать пора, – поэтически произнёс Веня.

И Стас тут же воскликнул с весёлой иронией:

– Ну и где наш великий и ужасный?!

И тут появился режиссёр театра импровизаций Лукоморьев:

– Я здесь!

Все замерли. Режиссёр бодро поднялся на сцену и выложил на столик подготовленную рукопись. Все оживились.

Лукоморьев, потирая руки, тут же заинтриговал актёров:

– Ну что, монстры богемы, у меня для вас – новость... Сейчас мы освежим нашу глубинную драму всепроникающими импровизациями... А затем займёмся внедрением светлых идей в задворки сознания. А дальше – гастрольный экспромт. Народу нужна радость!

И он загадочно улыбнулся.

– Неужели гастроль? – спросил Стас.

– Несомненно, – ответил Лукоморьев.

– А куда? – поинтересовалась актриса по имени Аня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.